

И спаси, Господи, нашу православную веру
от Литвы, от Татар, и от Немец,
и от своей братии.

Из старообрядческого Синодика

Ведашь ты сам, каково на Москве: нынче
так, а на завтре переделают инаково.

*Из письма Тат. Ив. Голицыной сыну
Вас. Вас. Голицыну*

Предисловие

Обстоятельства восшествия на престол Петра I хорошо известны. Вместе с тем некоторые аспекты этого – столь значимого для русской истории – события оказались затушеванными в историографии: историки, оказавшиеся под влиянием петровской идеологии, обходят стороной вопрос о его легитимности. Представляется, между тем, что события 27 апреля 1682 г., когда Петр был провозглашен царем, должны рассматриваться как придворный переворот – захват власти Нарышкиными при ближайшем содействии патриарха Иоакима. В книге рассматривается предыстория избрания Петра на царство, реакция на его избрание и последующая легитимация Петра как со-правителя своего брата.

Глава I

Переворот 27 апреля 1682 г.

27 апреля 1682 г. окончилась жизнь царя Федора Алексеевича¹. Он умер бездетным: единственный его сын, царевич Илья Федорович (11–21 июля 1681 г.)², скончался в малолетстве, всего на неделю пережив свою мать, царицу Агафью Семеновну Грушевскую (Грушевскую).

¹ Источники сообщают время смерти Федора Алексеевича, но при этом расходятся в своих показаниях (см.: Шмурло, 1902а. С. 237, примеч. 4; Богданов, 1981. С. 197–202; Лавров, 2000. С. 194). В объявлении о его кончине указывается, что царь умер в 12-м часу дня (ПСЗ, II, № 914. С. 384), однако эта цифра имеет, возможно, символический характер.

² Необычное для правящей династии имя Илья он получил в честь деда, Ильи Даниловича Милославского. Выбор имени призван был подчеркнуть принадлежность новорожденного к семейному клану Милославских. В ситуации противостояния Милославских и Нарышкиных это приобретало особое значение.

В тот же день, после прощания с почившим царем, патриарх Иоаким, высшее духовенство и члены Боярской думы собрались на совещание в Передней палате кремлевского дворца, чтобы решить, кому из царевичей – 15-летнему Ивану Алексеевичу или 9-летнему Петру Алексеевичу – быть на престоле (Восстание в Москве, № 204. С. 255; см. также: ПСЗ, II, № 914. С. 384–387; СГГД, IV, № 132. С. 412–413; Сильвестр, 1894. С. 43–45). Решили, что наследник должен быть избран «общим согласием всех чинов Московского государства людей» (Восстание в Москве, № 204. С. 255; ПСЗ, II, № 914. С. 385). Патриарх с другими участниками совещания вышел на крыльце и спросил собравшийся народ: кому из царевичей быть на царстве. Послышались крики как за Петра, так и за Ивана Алексеевича. «Но первые крики были сильнее или, по крайней мере, так казалось руководителям собора», – говорит М. М. Богословский (Богословский, I. С. 39). Судя по всему, решающий голос в этом вопросе оказался у патриарха.

Б. И. Куракин в «Гистории о царе Петре Алексеевиче» говорит о «многом несогласии» как среди членов совещания, так и среди собравшегося народа: «стало быть

несогласие, как в боярех, так и в площадных: одни одного, а другие другова. [...]. И по многом несогласии того ж дня избрали царем царевича Петра Алексеевича» (Куракин, 1890. С. 43)³. О разногласии по этому вопросу свидетельствуют и другие источники. По словам А. А. Матвеева, «при том же вышереченном избрании и наречении его высокопомянутого Величества от противныя стороны некто Максим Исаев сын Сумбулов, в ту же пору будучи в Кремле, при собрании общем, с своими единомышленниками, гораздо из рядового дворянства, продерзливо кричал: „что по первенстве надлежит быть на Царстве Государю Царевичу Иоанну Алексеевичу всея России“. За что он, Сумбулов, потом награжден был чином палатным думного дворянства»

³ Борис Иванович Куракин (1676–1727) был в свойстве как с Петром Алексеевичем, так и с Федором Алексеевичем. Его первая жена, Ксения Федоровна Лопухина, была сестрой царицы Евдокии Федоровны Лопухиной, первой жены Петра I; вторая жена Б. И. Куракина, Мария Федоровна Урусова, была племянницей царицы Агафьи Семеновны Грушецкой, первой жены Федора Алексеевича. Во время описываемых событий ему было 5 лет, но он вращался в той среде, где хорошо о них знали. Свое жизнеописание Б. И. Куракин начал писать в 1705 г.

(А. А. Матвеев, 1841. С. 6)⁴. То же говорит и Желябужский, по свидетельству которого

⁴ Андрей Артамонович Матвеев (1666–1728) не был непосредственным свидетелем описываемых событий, но был, конечно, о них хорошо осведомлен. В 1677 г., после смерти царя Алексея Михайловича он был отправлен вместе со своим отцом в ссылку в Пустозерск и вместе с ним вернулся в Москву 11 мая 1682 г. (Butenant, 1858. С. 333; Галанов, 2003. С. 44; сам Матвеев ошибочно указывает 10 мая, см.: А. А. Матвеев, 1841. С. 17); уже на следующий день, 12 мая, он вместе с Б. И. Куракиным был пожалован в комнату, т. е. стал комнатным спальником при царе Петре Алексеевиче (Восстание в Москве, № 1, 3. С. 17, 22; Соловьев, VII. С. 330). 23 мая 1682 г. Генрих Бутенант сообщал о новой ссылке Андрея Матвеева (Лавров, 2000. С. 196); Матвеев должен был отправиться в ссылку, но попал в число тех, которые, по стрелецкому рапорту, «не посланы для того, что их не сыскано» (Список лиц, сосланных в сибирские города, см.: Восстание в Москве, № 31. С. 53). Анонимный польский автор «Дневника зверского избиения московских бояр», написанного весной или летом 1683 г., отмечал, что Андрей Матвеев «в столице еще не бывает и только *incognito* является к Петру во дворец» (Diariusz... С. 394 и 407). – Записки Андрея Матвеева были написаны не ранее 1716 г. (см.: Богоявленский, 1941. С. 180): он говорит о царевне Наталье Алексеевне, скончавшейся в этом году, как о покойнице (А. А. Матвеев, 1841. С. 27).

выступление Сунбулова (Сумбулова) нашло широкую поддержку: «по его словам всем стало любо, и за то ему Максиму дано думное дворянство» (Желябужский, 1840. С. 4–5)⁵. Датский торговый представитель

⁵ Иван Афанасьевич Желябужский (1638 – после 1709 г.) – воевода в Киеве (с 21 апреля 1682 г.), 27 апреля 1682 г. находился в Москве; на следующий день он был послан в Батутин для приведения гетмана Самойловича и войска запорожского к присяге на верность царю Петру (Восстание в Москве, № 1. С. 11–12; Соловьев, VII. С. 323).

Желябужский называет Сунбулова (Сумбулова) «старым дворянином», т. е. тот, очевидно, не принадлежал к « рядовому дворянству», упоминаемому Матвеевым. М. И. Сумбулов был стряпчим с 1657–1658 гг., дворянином московским с 1667–1668 гг., получил чин думного дворянина в 1682 г., а в 1696–1697 гг. постригся в монахи (см.: Иванов, 1853. С. 397; Бушкович, 2009. С. 131, примеч. 5). О пожаловании Сумбулова в думные дворяне 27 июня 1682 г. см.: Соловьев, VII. С. 348; ПСРЛ, XXXI, 1968. С. 177; легендарный рассказ о встрече его с Петром в Чудовом монастыре после пострига см.: Голиков, I. С. 155 (примеч. 2). П. Бушкович скептически относится к известию о выступлении Сумбулова 27 апреля 1682 г.: «История, как Сумбулов кричал Ивана на царство, появляется лишь в позднейших источниках», замечает он, ссылаясь на записки Андрея Матвеева (Бушкович, 2009. С. 131, примеч. 5); то

в Москве Генрих Бутенант (фон Розенбуш)⁶ упоминает о разногласиях, поначалу имевших место среди «знатных господ», собравшихся на совещании в дворцовых палатах (донесение от 2 мая 1682 г. – Лавров, 2000. С. 194). Иоганн фан Келлер, голландский резидент, сообщал, что «избрание Петра происходило относительно спокойно, при общем согласии всех чинов государства, за исключением стрельцов, которые противятся этому выбору» (Белов, 1964. С. 380; ср.: Бушкович, 2009. С. 131). Известно, что 27 апреля 1682 г. после избрания Петра стрельцы приказа (полка) Александра Карандеева

обстоятельство, что это известие упоминается и у Желябужского, заставляет отвергнуть этот скептицизм. Максим Исаевич Сумбулов, возможно, был сыном воеводы князя Исака (Исая) Никитича Сумбулова († 1630 г.), известного деятеля Смутного времени; имена *Исак* и *Исай* часто путаются, и его могли, по-видимому, называть то так, то эдак. Известно, во всяком случае, что у И. Н. Сумбулова был сын Максим, скончавшийся в 1694 г. См. родословную Сумбуловых: Антонов, 1996. С. 303–306.

⁶ Генрих Бутенант стал называться *фон Розенбушем* после получения дворянства в 1688 г., т. е. позже составленных им записок (см.: Шмурло, 1902b. С. 440, примеч. 1).

отказались целовать ему крест («учинились сильны и креста не целовали»); их, однако, удалось уговорить (Восстание в Москве, № 1. С. 9; Соловьев, VII. С. 266, 320–321). В неопубликованном рассказе об этих событиях (РНБ, Солов. собр. 988/878, л. 702–704об.) сообщается, что 27 апреля 1682 г., во время принесения присяги новому царю, у западных дверей Успенского собора «внезапу возопиша нелепыми гласы, закликающе стрелцом [...] повелевающе престати креста целовати с великим прещением, сице, яко без ума целуют меньшему брату мимо большого; и от того часа стрелцы и солдаты престаша приходити ко кресту» (л. 702об., см.: Буганов, 1969. С. 98)⁷.

Тем не менее, в извещении об избрании Петра говорится о полном единодушии собравшихся: «И стольники, и стряпчие, и дворяня, и дьяки, и жильцы, и городовые дворяня, и дети боярские, и гости, и гостиные и черных сотен и иных чинов люди вси единогласно святейшему патриар-

⁷ Ср.: «...Когда указы по слободам стрелецким явились о том избрании и целовании креста, тогда во многих приказах [полках] началось было замешение, и многие полки креста не похотели целовать, объяяя, что надлежит быть на царстве большему брату» (Куракин, 1890. С. 44).

ху отвещали, чтоб быть на всех государствах Российского царствия в[еликим] г[осударем] ц[арем] и в[еликим] к[нязем] в[сех] В[еликия] и М[алыя] и Б[елыя] Р[оссии] с[амодержцем] благоверному г[осударю] царевичю и в[еликому] к[нязю] Петру Алексеевичю. Потом святейший патриарх говорил бояром и окольничим, и думным и ближним людем, чтоб они ему, святейшему патриарху, и архиереем также единодушно намерение свое объявили, кому на престоле Российского царствия в[еликим] г[осударем] ц[арем] быти. И бояре, и окольничие, и думные и ближние люди также единогласно все вещали: да будет по избранию всего Московского государства всех чинов людей, в[еликим] г[осударем] ц[арем] и в[еликим] к[нязем] в[сех] В[еликия] и М[алыя] и Б[елыя] Р[оссии] с[амодержцем] благоверный г[осударь] царевичъ и в[еликий] к[нязь] Петр Алексеевичъ» (Восстание в Москве, № 204. С. 255–256; ПСЗ, II, № 914. С. 386). Таким образом, согласно этому документу – но, очевидно, вопреки фактам, – избрание было осуществлено в соответствии с заранее сформулированным условием, т. е. было провозглашено общее согласие всех чинов Московского государства.

Это собрание «всех чинов Московского государства», будто бы единодушно провозгласившее свое решение, было осмыслено как Земский собор, наподобие соборов, избравших на царство Бориса Федоровича Годунова в 1598 г. и Михаила Федоровича Романова в 1613 г.⁸ Вместе

⁸ Ср.: «Создание собора не представляло затруднений, потому что чины, в него входившие, были здесь же, во дворце, и только что прощались с умершим царем. Служилые чины: стольники, стряпчие, дворяне московские, дьяки, жильцы, городовые дворяне и дети боярские, а также представители тяглого населения: гости, члены гостиной и суконной сотен и, вероятно, по обыкновению, старосты черных сотен Москвы — находились на крыльце, что перед Переднею палатою, и на внутренней дворцовой площадке у церкви „Спаса на Бору“. Известно, что служилые и тяглые московские столичные чины рассматривались как представители также и провинциального населения. Служилые московские чины — стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы — представляли те уезды, где они владели поместьями и вотчинами, а высшие разряды московских посадских людей — гости, члены гостиной и суконной сотен, набиравшиеся в Москву из провинциальных посадов, но продолжавшие нередко владеть в этих посадах имуществом и вообще не терявшие с родными посадами связей и отношений, служили представителями посадского населения всего госуд-

с тем, в отличие от прежних Земских соборов, этот собор специально не созывался и представители его не были выбраны. Собор этот был, можно сказать, сымпровизирован. Как писал историк земских соборов, это был «фиктивный собор, пародия на древнерусское представительное учреждение, одна форма без содержания» (Латкин, 1885. С. 253). «Это было народное скопище, толпа — но не правильный Земский собор, организованный на началах народного представительства. [...] Очевидно, что так называемый земский собор 27 апреля 1682 года есть собор фиктивный, по внешней обстановке своей напоминающий фиктивный земский собор 1610 года, низложивший царя Василья Шуйского; по внутреннему же значению

дарства, так что в лице столичного населения у правительства был всегда под рукой готовый Земский собор. [...]. Но кроме московских тяглых чинов, на дворцовой площади 27 апреля 1682 г. могли присутствовать и выборные от посадов, находившиеся тогда в Москве для обсуждения податной реформы и распущенные только 6 мая 1682 г.» (Богословский, I. С. 38–39). О концентрации представителей разных чинов в Москве в XVII в. см.: Владимирский-Буданов, 1909. С. 128.

своему и по деятельной роли в нем патриарха с партиею своею — он напоминает нам избирательный земский собор 1598 года, возведший на престол Бориса Годунова», — говорит другой авторитетный историк государственного права (Загоскин, I. С. 306–307); «Официальное описание сего собора, — писал И. Д. Беляев, — ясно говорит, что он, хотя по составу своему был довольно полон, но отнюдь не выражал голоса всей Русской земли; ибо ежели и предположить, что в нем участвовали выборные всех городов, кроме сибирских, то выборные сии [...] попали на него случайно, бывши в Москве по другому делу, и на избрание царя не имели никаких полномочий от своих избирателей. Да и самые жители Москвы были скликаны насконо без выбора, кому пришлось быть в Кремле [...]. Настоящий собор, несмотря на все разнообразие прежних соборов, по своей форме не походил ни на один из них, кроме собора, избравшего на царство Бориса Годунова [...], ибо толпа народа, скликанного на площади перед дворцом, вовсе не состояла из выборных представителей всей Русской земли или даже одного или нескольких сословий, — это в полном смысле была только толпа, не

имевшая никаких полномочий» (Беляев, 1902. С. 66–67)⁹.

Как показывают документы, «Петр Алексеевич был наречен на царство почти сразу по объявлении о смерти брата. [...] Между официальным объявлением о смерти Федора и наречением Петра прошло меньше часа по данным Разряда, около 45 минут по посольским и 30 минут – по церковным записям. [...]. Согласно официальному соборному акту, недавно введенному в научный оборот [см.: Восстание в Москве, № 204. С. 254–257], и объявительной грамоте об избрании [см.: СГГД, IV, № 132. С. 412–413; Сильвестр, 1894. С. 43–46], двор в полном составе (от касимовских царевичей

⁹ Примечательно, что юристы, исследователи истории русского права, считают соборы 27 апреля и 26 мая 1682 г. фиктивными, тогда как историки, исследователи социальной истории России – такие, например, как М. М. Богословский (I. С. 38–39) или Л. В. Черепнин (1978. С. 355–357), – склонны принимать их за чистую монету. С. М. Соловьев (VII. С. 263, 276) не касается вопроса о статусе этих соборов, отмечая, что в обоих случаях вопрос был решен всех чинов людьми Московского государства, под которым в данном случае подразумевался царствующий град (Москва). О соборе 26 мая 1682 г. мы говорим ниже, см. гл. IV.

до дворовых людей) простился с телом Федора, затем было проведено заседание Боярской думы, вынесшей решение об организации избирательного земского собора; наконец, проведен был и сам собор по всей форме (с вступительной речью патриарха, двухпалатным заседанием представителей сословий, прениями, выборами и пр.), после которого Петр был наречен на царство непосредственно в его хоромах»; все это было сделано за три четверти часа (Богданов, 1981. С. 202)¹⁰. Приведем выразительное сообщение Мазуринского летописца: «Того же году апреля в 27 день в другонатцатом часу дни преставися государь царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец. Того же часу (!) изобразили на Московское государство царем брата ево, государева, меньшова, царевича и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, мимо большова ево брата царевича Иоанна Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца»

¹⁰ «В данном случае сведения актов, вероятно, неверны, – замечает А. П. Богданов, – собор, описанный в них, невозможно созвать за три четверти часа» (Там же).

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru